

СОЗИДАНИЕ ЧЕРЕЗ РАЗРУШЕНИЕ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 2000-Х ГОДОВ

Степанов А.Д.

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11), e-mail: pp2998@mail.ru

В статье исследуются новые тенденции русской прозы, проявившиеся в 2000-х годах, прежде всего – так называемый «бум антиутопий». Автор рассматривает два вида современной антиутопии (предсказывающую распад государства и предсказывающую создание тоталитарного государства), демонстрируя их различия: предсказания хаоса были скоро забыты, а предсказания усиления автократии остались в истории литературы и продолжают оставаться актуальными. В антиутопии Владимира Сорокина «День опричника» автор находит не столько фантазию о будущем, сколько отражение политических реалий сегодняшнего дня, представленных с помощью гиперболы. В антиутопии Михаила Елизарова «Библиотекарь» автор находит общинные ценности классической русской литературы и делает вывод о том, что современные писатели, преодолевая постмодернизм, возвращаются к русской литературе XIX века.

Ключевые слова: постмодернизм, реализм, современная русская проза.

CREATION THROUGH DESTRUCTION: RUSSIAN LITERATURE OF 2000S

Stepanov A.D.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya nab., 11), e-mail: pp2998@mail.ru

The article explores new trends of Russian prose fiction, which became apparent in 2000s, first of all in so called “boom of dystopias”. The author examines two kinds of contemporary dystopia, namely the one predicting desintegration of the state and the one predicting creation of the totalitarian state, and demonstrates their differences: predictions of chaos were forgotten before long, while predictions of the autocracy’s reinforcement are saved in the literary history and continue to remain actual. In Vladimir Sorokin’s dystopia “A Day of Opritchnik” the author finds not a fancy about the future, but the reflection of our days’ political realia, represented through the hyperbola. In Mikhail Elizarov’s dystopia “The Librarian” the author finds communal values of the classical Russian literature, and concludes that modern writers are overcoming postmodernism and return to the Russian literature of the 19th century.

Keywords: postmodernism; realism; contemporary Russian prose.

Русская литература начала XXI века пока не получила научного истолкования. На сегодняшний день есть только небольшое число критических статей, в которых предпринимаются попытки указать основные тенденции развития современной прозы [2, 3]. В настоящей работе мы попытаемся частично заполнить эту лакуну. Цель исследования – обозначить и кратко проанализировать некоторые новые тенденции, проявившиеся в отечественной прозе последнего десятилетия. Далеко не ко всем тенденциям литературы последних лет можно применить определение «новые»: публикуется большое количество романов, повестей и рассказов на темы, ставшие традиционными для русской литературы. К ним относятся, например, восходящие к XIX веку темы русского национального характера, отчуждения интеллигенции и народа, разобщения города и деревни. Вызывает сомнение и оригинальность многих проявившихся в 2000-е годы тенденций: возвращение к

традиционному реализму (так называемый «новый реализм»¹), к мифологизированному повествованию², беллетризованной истории³, притчевой религиозной и квазирелигиозной литературе⁴. Все эти явления — несомненные приметы 2000-х годов, однако едва ли их можно назвать «новыми». То же касается и сиюминутной фельетонной литературы (самый громкий пример последних лет – проект «Гражданин поэт» Д. Быкова и М. Ефремова) или ее противоположности – отстраненной от современности герметичной прозы, наследующей традициям Саши Соколова, в которой действие происходит как бы вне времени и пространства (например, произведения Е. Элтанг, У. Гамаюн, Р. Шмаракова, А. Черчесова, А. Ривелоте, Н. Рубановой, Д. Рагозина и др.): и то, и другое имеет давнее происхождение. Вряд ли представляет собой что-то принципиально новое, особенно на фоне западной литературы, модный в последнее время жанр романизированной биографии гениального творца⁵.

Оставляя в стороне многие яркие тексты изучаемого периода, мы обратимся только к тем произведениям, в которых, как нам кажется, проявляются действительно новые веяния. При этом мы ограничимся только новизной, непосредственно связанной с происходившими в России социальными процессами, переменами в структуре общества.

Наиболее явная тенденция, которая проявилась в русской литературе в полную силу в 2004–2008 годах и в дальнейшем получила продолжение, – это «бум антиутопий» [16, 7], [10]. Причиной такого поворота стала, прежде всего, неопределенность политического будущего: в СМИ широко обсуждался «вопрос о третьем сроке» – будет ли изменена конституция страны для того, чтобы действующий президент смог продлить свое пребывание на посту, и вызовет ли это противодействие со стороны общества и народа? Еще одной причиной были постоянные террористические акты, вызывавшие панику и обвинения власти и полиции в слабости; СМИ озвучивали сценарии хаоса и распада, к

¹ К этому течению обычно относят творчество З. Прилепина, Р. Сенчина, С. Шаргунова, Д. Новикова, О. Зоберна и др. Одним из самых известных манифестов этого течения стала статья Валерии Пустовой, см.: [13]. О критике понятия «новый реализм» см., например: [1].

² Начало этой тенденции в современной прозе положил роман А. Иванова «Сердце пармы» (2003). Наиболее яркими проявлениями «мифологизма» в последние годы стали повести Д. Осокина и А. Григоренко, основанные на «реконструированной» мифологии поволжских и северных народов.

³ Из произведений последних лет стоит упомянуть отмеченный в 2010 г. Букеровской премией роман Е. Колядиной «Цветочный крест» (2011), романы А. Иванова (помимо «Сердца пармы», это романы «Золото бунта» (2007) и «Летоисчисление от Иоанна» (2009)), а также начатый в 2013 г. большой проект Б. Акунина «История российского государства» (2014), который включает в себя систематическое изложение русской истории, проиллюстрированное приключенческими повестями и рассказами.

⁴ Разошедшийся в миллионах экземпляров сборник нравоучительных рассказов архимандрита Тихона «Несвятые святые» (2013), жанровой основой которого стала форма древнерусского патерика, вызвал многочисленные подражания. Заметим, что самый глубокий и интересный роман последних лет – ставший лауреатом «Большой книги» 2013 г. роман «Лавр» Е. Водолазкина (2012) – также написан с использованием жанровой формы древнерусского жития.

⁵ К широко обсуждавшимся в последнее время произведениям такого рода относятся роман С. Самсонова о гениальном композиторе «Аномалия Камлаева» (2008) и роман В. Левентяля «Маша Регина» (2013) – история успеха девушки-кинорежиссера.

которым вскоре приведут страну террористы. Поскольку антиутопия часто прибегает к аппроксимации и линейному прогнозированию (продлению наметившихся в настоящем линий развития событий), то многие произведения 2004–2008 годов представляли картину жизни страны через 5–10–20 лет как гиперболу современных тенденций: «хаотических» или «имперских», в зависимости от политических убеждений и глубины скепсиса автора.

Сочинения, в которых предсказывался хаос и распад, количественно преобладали. Так, в романах А. Проханова «Теплоход „Иосиф Бродский“» (2006) и С. Доренко «2008» (2005) изображался нерешительный президент, отказывающийся идти на третий срок, что приводило в конечном итоге к кровавой революции. В романе С. Минаева «Media Sapiens» (2007) бессовестный политтехнолог на западные деньги дискредитировал власть с целью отмены «третьего срока» и победы оппозиции. О. Славникова в романе «2017» (2006) изобразила революцию, повторившуюся через сто лет после 1917 года, а Н. Ключарева приурочила революцию, которую начинают недовольные действием властей пенсионеры, к 2006 году – времени написания своей повести «Россия: Общий вагон» (2008). Захват террористами (преимущественно чеченскими) жизненно важных и опасных объектов – частый мотив литературы данного периода: например, в романе С. Доренко «2008» это захват атомной электростанции, в романе Ю. Латыниной «Джаханнам» (2007) – захват нефтеперерабатывающего завода. Самую мрачную картину распада представил Д. Быков в романе «Эвакуатор» (2007): здесь изображается глобальная катастрофа, последовавшая за серией террористических актов.

Как показало время, произведения, предсказывавшие «хаотический» сценарий будущего, были всего лишь свидетельствами определенных настроений в обществе середины 2000-х годов: они не получили продолжения и были быстро забыты. Однако те антиутопии, в которых предвиделось усиление автократии, международная изоляция России, повторение исторических ошибок и – шире – возвращение архаических тенденций, оказались востребованы и в условиях 2010-х годов. Самой значимой отечественной книгой первого десятилетия XXI века стал роман Владимира Сорокина «День опричника» (2007), предсказывавший, что авторитарные тенденции приведут к реставрации империи и возвращению прежних исторических форм власти и культуры. Это произведение не только прочно вошло в историю литературы (о чем свидетельствует большое число не только критических статей, но и литературоведческих работ; [17, 11, 6, 9], но и получило продолжение в творчестве автора, составив вместе со сборником «Сахарный Кремль» (2008) своеобразную дилогию⁶.

⁶ Распад этого мира показан в романе «Теллурия» (2013).

На первый взгляд, «День опричника» – это художественная гиперболизация попыток российских властей идеологически противостоять Западу. Риторика «суверенной демократии», «вставания с колен», насаждение патриотизма, давление на историков с целью создания «нефальсифицированной» (а по сути – панегирической) версии отечественной истории – все это было подхвачено Сорокиным и с помощью искусной стилизации превращено в картину утопического по самооценке и антиутопического по сути православного царства 2028 года. В сорокинских фантазиях страной правит император, отгородившийся «от чуждого извне, от бесовского изнутри» [14, с. 38] Великой Русской стеной, сквозь которую на Запад поступают нефть и газ. Западная цивилизация пришла к упадку, в промышленном производстве полностью доминирует Китай, откуда в Европу по огромной трассе «Гуанчжоу – Париж» поступают все товары. Изоляция закрепляется возвращением законов, обычаев, обрядов, атрибутики и ономастики Древней Руси, вплоть до введения опричного войска – личной гвардии государя, которая помогает ему единолично править, осуществлять непрекращающиеся репрессии и держать в страхе страну. Роман рисует рядовой день опричника: убийства, изнасилования, грабежи, взятки, наркотики и т. д. Рассказ ведется в форме внутреннего монолога опричника Комяги и в аксиологическом отношении полностью выдержан в духе новой идеологии: герою представляется, что все его поступки совершаются к вящей славе государства и Государя.

Вещный мир «Дня опричника» и «Сахарного Кремля» наполнен придуманными Сорокиным «фантастическими» артефактами и гаджетами: роботы-слуги, голограммы вместо компьютерных мониторов, мобильная видеосвязь, легко трансформирующаяся «умная» компьютерная ткань и т. п. Однако легко заметить, что фантастика в романе подчинена единому принципу: придуманные Сорокиным предметы лишь на шаг опережают уже существующие в момент написания романа. Так, мобильная видеосвязь, при которой в воздухе «повисает» образ собеседника – модернизация скайпа, а голограмма – новая ступень утончения компьютерного монитора. Таким образом, роман скорее отражает, чем преображает реальность.

По тому же принципу организован фантастический социум. Сорокинские опричники, хотя и имеют внешние атрибуты своих прототипов времен Ивана Грозного, в сущности, представляют собой современную организованную преступную группу, сросшуюся с властью. Появление нового дворянства и аристократии и закрепленное законом разделение общества на сословия – всего лишь наглядное выражение разделения российского общества на богатых и бедных, причем богатство так или иначе «даруется» государством, как даровались дворянам имения и крепостные. Древнерусские названия и атрибутика (Тайный и Посольский приказы, дьяки, окольнічы, менялы, столбовые дворяне и т. д.) без труда и

без потери смысла поддаются переводу на современный русский язык (ФСБ и Министерство иностранных дел, министры, чиновники, финансисты, миллионеры и т. д.). Фантастика и исторические параллели оказываются всего лишь инструментами анализа структуры современных отношений власти.

Главной чертой этих отношений, которая выявляется в ходе сорокинского анализа, оказывается эклектичность российского социума. На это указывает смешение времен: наряду с древнерусскими обычаями, предметами и явлениями в роман широко проникают советские и постсоветские – «сталинские», «брежневские» и «путинские» реалии. В стране, как при Сталине, непрерывно идут репрессии, однако любое уголовное дело можно, как в постсоветское время, «откупить» (то есть прекратить за взятку). Как при Брежневе, в магазинах стоят длинные очереди, и гражданам доступен минимум товаров. Сцена на строительстве Великой Русской стены (новелла «Харчевание» в сборнике «Сахарный Кремль») полна скрытых и явных цитат из послесталинской лагерной литературы, прежде всего из «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына. Диссиденты, изображенные в новеллах «Underground» и «Кочерга», относятся, несомненно, к позднесоветской эпохе. В то же время риторика Государя в новелле «Кочерга» – перифраза сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму: «Ибо великая идея порождает и великое сопротивление ей. И ежели внешним врагам уготовано в бессильной злобе грызть гранит Великой Русской Стены, то внутренние враги России изливают яд свой тайно» [15, с. 76–77]. Наконец, по всему тексту рассыпаны детали, которые соотносят происходящее с XIX веком («закон Божий» в школах) или с русской историей в целом⁷.

Смешивая приметы разных эпох и создавая иллюзию неотбранности, Сорокин тем не менее выбирает только стабильные времена: ни в романе, ни в сборнике нет, например, отсылок к Гражданской войне или ельцинской эпохе⁸. Сорокина интересуют только крепкие, эволюционно развивающиеся режимы. Благодаря этому и воспроизводится, и деконструируется официальная идеология «стабильности», выдвигавшаяся в 2000-е годы как антитеза «лихим девяностым». Сорокинская антиутопия не просто отталкивается от современности, но представляет, по сути, ее гиперболу; то, что кажется свободным фантазированием или игрой подсознания, на самом деле представляет собой всего лишь отражение реальности. В этом отношении диалогия Сорокина вписывается в главный тренд 2000-х годов – возвращение реализма. Даже главный русский постмодернист обратился к изображению реальной современной жизни. Однако, в отличие от «новых реалистов»,

⁷ Новелла «Кабак» представляет собой галерею карикатур на деятелей современной русской культуры, помещенных в хронотоп «Руси кабацкой».

⁸ Эти отсылки появятся в романе «Теллурия», где среди прочего будет изображаться борьба с буржуазией героических «уральских партизан».

которые следуют заветам XIX века (изображать жизнь в формах самой жизни, правдиво отражать действительность и т. д.), Сорокин, посвятивший полжизни беспощадному уничтожению «литературности» со всеми ее мотивами и приемами, конструирует новую реальность из обломков разрушенной, деконструированной.

Как это ни странно на первый взгляд, тот же тезис – стоящее за фантастической антиутопией стремление к отражению реальности – применим к роману М. Елизарова «Библиотекарь» (2007). В эпатажном, подчеркнуто антилиберальном творчестве Елизарова⁹ критики обычно выделяют одну доминирующую черту – ностальгию по советскому прошлому [5, с. 119–120]. Ее можно увидеть и в «Библиотекаре». Герой романа Алексей Вязинцев, прочитав магическую Книгу Памяти, переживает приступ умиления: «В эфире – пионерская зорька, орешек знаний тверд, но все же мы не привыкли отступать, в аэропорту его встречали товарищи Черненко, Зайков, Слюньков, Воротников... пионеры-герои Володя Дубинин, Марат Казей, Леня Голиков, Валя Котик, Зина Портнова, Олег Попов, Лелек и Болек, Кубик Рубика...» [4, с. 215]. «Небесный Союз» (так герой называет СССР) – явная утопия, составленная из счастливых детских воспоминаний, но автор знает и о подлинном СССР: чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на описания советских тюрем и домов престарелых. Сводить «Библиотекаря» к ностальгии нельзя, в нем обнаруживаются противоположные смыслы, и эту особенность романа уже замечали наиболее тонкие критики: «Действие книги сродни наркотику: человек получает кайф, но, выйдя из эйфорического состояния, хочет новую дозу галлюциногена» [8, с. 171].

Елизарова часто сравнивают с Сорокиным, а некоторые критики прямо называют его сорокинским эпигоном [12, с. 135–136]. Однако, как нам представляется, в сочинениях этого автора есть доминанта, совершенно чуждая Сорокину: *Елизаров пишет о потребности единения и веры*. Именно об этом написаны его программные произведения – «Ногти», «Pasternak», «Библиотекарь». Человеческое сообщество у Елизарова – всегда квазисемья, созданная на пустом месте новая общность. Настоящей семьи у героя либо нет от рождения (таковы сироты в «Ногтях»), либо он отчужден от родителей («Pasternak», «Библиотекарь», большинство рассказов). Зато есть некто или нечто (Наставник, названный Отец или неперсонифицированное чудо), способное приобщить к истине, указать цель жизни и обязательно восполнить недостачу: в квазисемью у Елизарова объединяются несчастные. Так происходит и в анализируемом романе: библиотека – это община обиженных новыми временами: старики, нищие, бессемейные, безработные, бывшие тюремные парии, народы Севера, крестьяне. Такую квазисемью образует ритуал: у

⁹ В романе «Pasternak» (2003) русский богатырь-язычник Льнов со своими товарищами (православным священником и поклонником Брежнева) уничтожает силы зла, которые плодит демон Pasternak: сатанистов, рериховцев, иеговистов, адвентистов, пятидесятников и т. д.

Елизарова не общество создает обряд, а обряд – общество. В «Библиотекаре» участники «громовского универсума» объединены тем, что читают обладающие магической силой книги забытого писателя-соцреалиста Громова. Эти действия ведут к чуду: в мире всеобщего отчуждения возникает неразрывная связь сильных, мужественных, верных товарищей, всегда готовых к самопожертвованию друг для друга. Другими словами, возникает община: то, что средствами старой русской орфографии обозначалось как «міръ». Заметим, что у Елизарова (как и у Сорокина) ритуал сам по себе опустошен и обесмыслен. Что и как написано в книгах Громова – совершенно неважно: читать надо «тщательно», ничего не пропуская, но отнюдь не вникая в смысл, – это может отвлечь и помешать. Спасительной силой обладает не код, не тайнопись, а процесс различения (и забывания) означающих, заклинание без понимания смысла. Не веря в спасение через культурную память (код или знак), Елизаров надеется только на ритуальное заклинание и через него – на высшие силы. Конечной же целью ритуала оказывается обретение сообществом единства и веры. Из этого следует парадоксальный вывод: в «Библиотекаре» выражена идея не советской, а классической русской литературы. Именно она идеализировала общину, соборность, церковь, любое добровольное объединение людей во имя спасения души и служения истине: этот смысл был общим знаменателем и Толстого, и Достоевского, и народников, и символистов, и части революционеров.

Если Сорокин под видом антиутопии рисует очень точную картину современного общества, то Елизаров превращает антиутопию в утопию, основанную на классических общинных ценностях. Вот в этом парадоксальном консерватизме постмодерниста, в скрытом желании вернуться к истокам, и состоит новизна творчества тех «преодолевших постмодернизм» авторов, которые, на наш взгляд, представляют наиболее плодотворную линию современной литературы.

Последовательность развития русской литературы 1990–2000-х можно описать такой триадой: «деконструкция – виртуализация – *деконструкция* (восстановление реальности)». В период перестройки и первые постсоветские годы главным трендом новой литературы было стремление разрушить до основания здание социалистического реализма, а заодно и всю литературу Больших Идей (в этом смысле главным писателем эпохи был, несомненно, Сорокин как автор «Нормы» и «Романа»). Одновременно и несколько позднее развивалось другое направление: моделирование на месте разрушенного иной реальности – фантомной и обманчивой (главным выразителем этих настроений оказался Виктор Пелевин). Третий этап, начавшийся в середине 2000-х годов, оказался разнообразнее в жанровом отношении. Это и попытки вернуться к традиционному реализму, и «высокая» беллетристика

(Б. Акунин), создававшая иллюзию реальности псевдоисторического вымысла¹⁰, и наращивание исторической плоти на фэнтезийном каркасе (А. Иванов). Книги, рассмотренные в статье, на этом фоне выглядят не самыми оригинальными, но именно они, как нам кажется, в наибольшей степени выражают «дух эпохи». Антиутопии, сохраняющие форму постмодернистского романа, возвращаются не к внешней оболочке прошлого культуры, а к самым основам, тянутся из современности через голову модерна к ценностям классической эпохи. Таким образом, они как бы разворачивают само понятие «деконструкция»: созидание через разрушение (или «разборку») основных этических, эстетических и познавательных ценностей, конструкция через деструкцию.

Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 31.38.301.2014.

Список литературы

1. Бойко М. Насыщение пустотой // Независимая газета. Ex libris. – 2008. – 17 апреля.
2. Быков Д. Почему невозможен сегодня русский роман? // Новая газета. – 2012. – 4 мая.
3. Данилкин Л. Клуб // Новый мир. – 2010. – № 1. – С. 135–154.
4. Елизаров М. Библиотекарь. – М.: Ad Marginem, 2007.
5. Жиронкина О. М. Елизаров. «Библиотекарь» // Вопросы литературы. – 2009. – № 3. — С. 118–122.
6. Кукулин И. Техногенная матка истории // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 1. – С. 206–226.
7. Ланин Б. Воображаемая Россия в современной русской антиутопии // Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context / ed. Mochizuki Tetsuo. – Sapporo: Hokkaido University, 2008. – P. 375–391.
8. Латынина А. Случай Елизарова // Новый мир. – 2009. – № 4. – С. 165–173.
9. Липовецкий М. Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 2. – С. 225–242.
10. Марусенков М. Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина: заумь, гротеск и абсурд. – СПб.: Алетейя, 2012.
11. Погорелая Е. Marche funebre на окраине Китая. Владимир Сорокин // Вопросы литературы. – 2012. – № 1. – С. 54–71.

¹⁰ В последнее время в жанре так называемого «ретродетектива», введенного в русскую литературу в 1990-е гг. Л. Юзефовичем и Б. Акуниным, стали работать многие писатели: Н. Свечин, А. Чиж, В. Введенский, В. Бабенко и Д. Клугер, Д. Трускиновская и др.

12. Погорелая Е. «...Кровавый отсвет в лицах есть...» // Вопросы литературы. – 2009. – № 3. – С. 135–148.
13. Пустовая В. Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм // Октябрь. – 2005. – № 5. – С. 153–164.
14. Сорокин В. День опричника. – М.: Захаров, 2007.
15. Сорокин В. Сахарный Кремль. – М.: АСТ, Астрель, 2008.
16. Чанцев А. Фабрика антиутопий // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 4. – С. 269–301.
17. Юрьев Д. Два «Дня» никакой России // Искусство кино. – 2008. – № 3. Март. – С. 45–48.

Рецензенты:

Сухих И.Н., д.фил.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург;
Отрадин М.В., д.фил.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.